

КОМСОМОЛЕЦ

О п ы т, сын ошибок т р у д н ы х

Писателя, лауреата Государственной премии СССР Сергея Павловича Залыгина хорошо знают и любят в нашей стране и за ее пределами. Помимо художественных произведений Залыгин давно известен как автор многочисленных статей и выступлений по вопросам экологии, на выступления писателя не раз откликался Госплан СССР. Вопросы эти не только не теряют своей актуальности, но становятся все острее и острее. Сегодня Сергей Павлович ЗАЛЫГИН делится своими мыслями с нашим корреспондентом Н. Саакян.

— Все тревожнее становится вопрос о ресурсах планеты, которые еще только вчера казались неисчерпаемыми. Формула «на наш век хватит» звучит безразлично уже в планетарном масштабе. Даже если хватит не только нам, но нашим детям и даже внукам — этого уже человечеству недостаточно. Мы смотрим не просто вперед, но припадаем к самой большой гуманности — сознанию преемственности жизни на земле. И, живя сегодня, думаем о тех, кто придет на землю через века и века. Потребность в этом добре сегодня особенно остра в наших сердцах. И чем более оскудевают земные ресурсы, тем острее это желание оставить потомкам планету такой же изобильной и прекрасной, какой застали ее наши отцы и деды.

Самыми важными для жизни планеты являются атмосфера и почвенный покров земли. Если Земля лишится атмосферы, то мы, люди, тоже не сможем существовать. Так что загрязнение воздушной среды — вопрос из числа насущнейших. Самолет, летящий, скажем, из Европы в Америку, выделяет такое же количество энергии, какое выделяет в атмосферу 150 гектаров горящих лесов. Если задуматься о масштабах такого массового теплового выброса (а есть ведь еще и автомашины, и заводы, и многое другое), то невольно встанет вопрос о пределе выносимости атмосферы.

Почва — это тонкий слой земли, облегающий даже не всю сушу, а только часть ее. Но этот тонкий слой питает человека издревле и будет питать всегда, если этот слой не истощать, а бережно заботиться о нем. Если Юпитер для большинства народов — Юпитер, Марс — Марс, Венера — Венера, то Земля на многих языках именуется по-своему, — так, как народ называет сушу, почву. Это различие возникло как раз из общности прошлого — сельскохозяйственного для всех народов. От других планет Земля отличается наличием на ней земли в смысле почвы. Возможно, что она отличается этим вообще от всей Вселенной.

Когда-то человек был горд, открыв в себе беспредельные возможности. Он гордится этим и сейчас, но, вероятно, должен учиться ныне эти возможности обуздывать. Когда-то природа решала: быть или не быть человеку. Теперь человек решает: быть или не быть природе.

Мы все меньше зависим от солнечной энергии, прибегая к силе пара, электричества, атомного ядра. Самую солнечную энергию мы непосредственно используем в почве. Мы можем механи-

зировать, скажем, процесс обработки почвы: вспахать, засеять, прополоть, скосить. Однако технологический процесс созревания, создания продукта земли, увы, не в наших руках. В немалой степени это зависит от солнца и природной среды. Это единственная консервативная, остающаяся на веки вечные технология, которую мы не изменили существенным образом. Более того, такой консерватизм жизненно необходим. Ибо именно он сохранил нам почву до наших дней, а ведь земледелию — сотни, тысячи лет.

Возможно, не будь XX века, человечество так и не научилось бы бережности по отношению к своему дому — своей планете. Кризисные моменты болезни иногда способствуют выздоровлению. Когда-то Пушкин писал:

О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещения дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель...

Пусть же опыт, сын ошибок трудных, поможет человечеству и на этот раз. И хорошо, что мы, люди, станем сегодня мудрее, сегодня, когда на земле остается еще так много ресурсов. Споздай мы с этой мудростью, и Земле уже не легко было бы залечивать раны...

— Трудно от экологии, которая сегодня выдвигается в число самых главных планетарных проблем, переходить к чисто литературным вопросам, но очень хотелось бы спросить вас о том, что вкладываете вы в понятие традиции. Что это — взгляд на мир, изначально присущий людям данного народа? Или это язык, который тоже таит в себе пласты национального мышления?

— Традиция в силу природных условий создает тип мышления, который потом сказывается в искусстве и даже в материальной культуре. Национальный стиль этого мышления закрепляется за народом пожизненно. Опыт эсперанто показал, что искусственно этого не создашь. Творцам эсперанто не хватило не времени — веков и веков, — а опыта целого народа, монолита векового мышления, который неизбежно стоит за языком каждого народа, а язык и традиция в том числе вырастают из этого опыта и мышления. Создатель искусственного языка эсперанто не учли эти крепкие генетические основы. Ни одна культура еще не явилась ниоткуда, а из национального лона — все. И когда это национальное достигает определенных высот, тогда оно становится общечеловеческим.

Классика несет в себе веч-

ные и непоколебимые ценности, и сочетание этих вечных ценностей с современностью, вписывание одного в другое никогда не повторяется и всегда может быть предметом нового художественного открытия.

— Какие тенденции в сегодняшней литературе вам кажутся наиболее интересными?

— Вот специально интересовался современной венгерской прозой. Она сегодня в Венгрии социографическая, то есть они учатся писать не только об отдельном человеке, но о человечестве, обобщенно идут от человека к человечеству. В этом сказывается неповторимость наших дней, общая забота о судьбах человека и мира. Крупно, масштабно работают у нас Распутин, Астафьев, Белов, Кручин, А. Ким. Интересно получается проза у писателей, которые, не будучи русскими, пишут по-русски — у Чингиза Айтматова,

у того же Анатолия Кима, у белоруса Василия Быкова. Как интересно вплетает Айтматов сказку, притчу в повествование. Это ново для русской литературы. И это очень хорошо. Эти писатели обогащают наш язык, придают новые оттенки русскому слову. Чехов тоже окреп в общении с другими языками. В Таганроге это был смешанный южный говор, очень сильное влияние греческого (у него было много друзей греков), в Сибири — многочисленны местные речения. Чехов был строгим и очень организованным человеком, он выдержал испытание и уходил от неправильностей местных говоров. Это, возможно, даже усилило его тягу к безупречному языку, каковая у людей, выросших в однородной среде, не могла быть такой сильной. Но вообще главный секрет его прозы следует, по моему, искать не в этой чистоте языка, а в том, настроении, которое он сообщал всем своим рассказам. Его силой был особый душевный строй — чеховский, неуловимый, неповторимый.

— Что хотели бы вы сказать молодым писателям, какие уроки преподать им?

— Литература — это отбор характеров. В ней остается лишь тот, кто выдержал эту нелегкую борьбу — с самим собой, с верой в свое призвание, с долгим, порой нелегким путем к издателям. Главное — написать стоящую вещь, а она уж себя пробьет обязательно. Не сегодня, так завтра. Молодых писателей надо закалять, а то они живут так, как будто на свете нет ничего, кроме их рукописи. У нас в стране восемь с половиной тысяч профессиональных писателей. Многовато, конечно. В Португалии, например, только один профессиональный писатель, в Венгрии — 5—6 человек. А у нас есть специальный Литературный институт, и все кончающие его тотчас же рвутся в литературу и в Союз писателей. А ведь часть могла бы стать и просто редакторами. Научить быть писателем нельзя. Тем более осторожно и выборочно надо принимать в Союз писателей. Настоящий большой писатель приходит из самой гущи жизни, самые жгучие проблемы водят его пером. Он приносит с собой в литературу тот пласт жизни, который знает и чувствует безупречно. Материал сам учит его. Выковывает его вкус и характер. А кто может научить людей? Только тот, кто строго спрашивает с себя. Поэтому каждый большой писатель — это еще и урок самодисциплины. Разительный пример и урок того, как много заложено в человеческой природе.

Беседу вела Н. Саакян.